

Пароход спускался вниз по Волге. Унылый пейзаж проплывал перед глазами художника. Крутой правый берег был покрыт чахлыми кустарниками, а левый тянулся низкой полосой леса. Дул сильный ветер, и серое пасмурное небо навевало тоску. «Зачем я сюда поехал? — разочарованно думал Левитан. — Мог бы работать где-нибудь под Москвой, и не чувствовать себя одиноким наедине с этим громадным пространством, которое может просто убить».

И вдруг внимание художника привлёк высокий зелёный холм, а на нём — тёмная деревянная церквушка. Было в ней что-то библейское, родное. Она напоминала одинокий хрупкий корабль, который стремился сквозь мрачные волны вечности. Поблизости на берегу раскинулся городок со златоглавыми храмами, яркими торговыми рядами, тенистой набережной.

— Что за поселение? — спросил художник.

— Заштатный городок Плёс, — ответил капитан. — Сооружён здесь ещё до Батыева нашествия.

Исаак Левитан сошёл на пристань вместе со своей спутницей — художницей Софьей Кувшинниковой². Это была талантливая женщина, обладавшая редким даром преображать окружающий мир — дарить ему красоту. Своё скромное московское жилище она

² Кувшинникова Софья Петровна (урождённая Сафонова; 1847–1907) — русская художница XIX века, ученица Исаака Левитана, прототип главной героини рассказа Антона Чехова «Попрыгунья».



Исаак Левитан. Портрет кисти
В. Д. Поленова, 1891 г.

захватив с собой этюдник. Старая церквушка Петра и Павла была залита золотистым светом заходящего солнца. Её три островерхие кресты, обозначавшие святой алтарь, высокий кафоликон с выцветшей луковкой и приземистый притвор образовывали уступы сиреневой окраски, по-разному оттеняя друг друга. Возле церквушки раскинулся древний погост — там и сям стояли покосившиеся могильные кресты-голубцы.

Левитан быстро набросал рисунок, сделал лёгкий подмалёвок, и стал дожидаться последнего мгновения заката. Наконец, вспыхнул долгожданный багровый луч, озарив верхушку креста и жарким пламенем полыхнув на оконца. Художник схватился за кисть, лихорадочно запечатлевая огненный хоровод цвета. Это чародейство длилось недолго. Закат погас, и небесные краски об-

превратила в роскошные апартаменты: вместо турецких диванов накрыла коврами обычные деревянные ящики, а вместо занавесок повесила на окнах рыбацкие сети. Не имея больших денег, она шила себе из дешёвых лоскутков прекрасные костюмы — невероятные греческие хитоны лимонного цвета или простонародные холщовые шушуны, отделявая их кумачовыми прошивками. Своим даром красоты художница наградила и Левитана, став его настоящей музой. Под её благодатной эгидой живописец создал свои самые прекрасные картины.

Вечером он отправился на холм,



Д. С. Кувшинникова. Портрет кисти
Левитана. 1888 г.

рели сумрачное звучание. Левитан был доволен этюдом. Казалось, ему удалось воплотить на холсте предсмертную красоту уходящей жизни. Он вспомнил стихи Афанасия Фета:

*Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идёт, и плачет, уходя.*

На следующий день Софья Кувшинникова собралась на пленер вместе с Левитаном. Художники замыслили побывать в Петропавловской церкви и, может быть, даже отслужить обедню. Иерей Иаков Афанасьевич Успенский предупредил:

— Сей храм дрожит от ветхости — одна искорка, и останется только пепелище!

Перед входом на погост подобно сторожевым богатырям выселись два белых каменных надгробия. На одном из них славянской вязью было написано: «Лета 1572 года преставился раб Божий Сидор Кирилов сын Эщерин».

Глубокой древностью веяло от ветхих церковных стен, омытых дождями. Серая лесенка, подёрнутая мхом, гнулась и скрипела под ногами. На звоннице раздался глухой звон охрипшего колокола. Где-то под крышей удивлённо заворковали голуби. Отец Иаков достал старинное печатное Евангелие, покрытое синим бархатом, и показал надпись полууставом, сотворённую под образом святого Матфея: «Лета 1659, месяца января, 3 дня сия книга, глаголемая Евангелие напрестольное, сиречь благовестив, положил сию книгу Евстафин Кирилов сын с Москвы торговой человек на Плесе в церкви у святых верховных апостолов Петра и Павла на престол по своей душе и по своих родителях».

Облачившись в рясу, отец Иаков вышел на солею и, повернувшись к царским вратам, начал литургию. Размеренное чтение Евангелия сменялось тихими молитвенными распевами. Три древние старухи в чёрных платках и сарафанах подпевали священнику, истово крестились и клали низкие поклоны. Кадило позвякивало цепью. Благовоние душистого ладана кружило голову. Мерцали восковые свечи, освещая старинный иконостас. Тёмные лики святых бросали огненный взгляд из глубины веков.

Левитан стоял, как заворожённый. Потом попросил Софью показать, как и куда следует поставить свечи. Он смиренно застыл перед святыми образами, его душу объял священный трепет.

После литургии ему захотелось написать этюд — запечатлеть на холсте внутреннее убранство древнерусского храма. К Левитану присоединилась спутница. Оба художника, вдохновлённые божественной молитвой, приступили к работе. Завершив этюды, они вышли на воздух.

Широкий волжский простор открылся перед ними. Казалось, река несла свои воды не к далёкому окоёму, а куда-то в неизбывную вечность. Тяжёлые, свинцовые облака клубились над ней. Прибрежные деревья застыли в ожидании порывов ветра. Напряжённая тишина воцарилась вокруг. Чувствовалось, что вот-вот разразится гроза, и мощная, неудержимая стихия дождя обрушится на мир.

— Вечный покой! — выдохнул Левитан, очарованный величественным зрелищем. — Я никогда ещё так не любил природу, никогда ещё так сильно не чувствовал это божественное нечто, разлитое во всё. Когда-нибудь я обязательно напишу эту картину.

— Почему когда-нибудь? — удивилась Софья. — Писать надо начинать сейчас.

— Нет-нет, нельзя торопиться. Картина должна созреть в душе, выбродить среди переживаний и размышлений, настояться, как хорошее вино.

Художники вернулись в дом купца Солодовникова, где по приезде сняли две комнаты в высоком мезонине. В одной комнате они поставили мольберты, а в другой, где находилось пианино, устроили гостиную. Исаак сразу же разложил по мольбертам сделанные этюды, пытаясь осмыслить возникшую тему. Софья прошла к пианино, и начала наигрывать Моцарта. Она прекрасно музицировала и всегда добивалась похвальных слов от слушателей. Но на этот раз Левитан прервал изящную мелодию.

— Здесь должен звучать Бетховен, — задумчиво произнес он. — Что-нибудь трагическое, вечное. Например, из Героической симфонии.

Софья заиграла Траурный марш. Печальные, торжественные звуки заполнили пространство. Они более всего соответствовали мысленному настрою художника.

Как известно, Левитан не копировал природу точь-в-точь — он сочинял пейзажи, философски осмысливая увиденное. Сначала художник рисовал этюды с натуры, а потом дорабатывал задуманную тему, менял композицию, подбирал соответствующий цвет, перестраивал освещение. Эта творческая работа длилась годами. В итоге получалась удивительная символическая картина, которая состояла из реальных кусков бытия, но в целом такого пространства в при-



Исаак Левитан. Над вечным покоем. 1894.

роде никогда не существовало. Была новая со-творённая реальность, нанесённая на полотно. И эта чудесная реальность полностью соответствовала великому замыслу творца.

Вот и картина «Над вечным покоем», задуманная Левитаном

в Плесе, сочинялась им несколько лет. Он оставил тяжёлое предгрозовое небо и широкую водную гладь Волги, но изменил ее композицию. Вместо волжского берега художник поместил маленький утёс, устремлённый, подобно кораблю, в огромный простор тверского озера Удомля, куда выезжал на пленер. На этот низкий утёс он перенес погост и древнюю церквушку Петра и Павла, что в Плесе возвышалась на холме, а здесь опускалась на самое острие утеса. Однако точка зрения наблюдателя оставалась прежней — с горной высоты, которая была на Волге, но отсутствовала на озере Удомля, как, впрочем, и клетская церквушка с погостом.

Картина производила потрясающее впечатление. «Жизнь быстротечна и бессмысленна», — думал зритель, испытывая острое чувство одиночества и незащитности перед этим вечным покоем. Громадное вздыбленное небо нависало над маленьким островком земной тверди. Вот-вот мощная стихия обрушится на этот последний остов жизни и унесёт его в бездну. «Вечность, грозная вечность, в которой потонули поколения и потонут ещё, — объяснял свой замысел живописец. — Какой ужас, какой страх!»

Но Левитан не был бы истинно русским художником, если бы не давал человеку никакой надежды на спасение. На картине могущественной стихии бытия противостоит ветхая церквушка с едва заметным крестом на куполе. И уже светлеет небо над храмом, и грозные тучи не осмеливаются подступить к нему. А сама церквушка, тёплая, живая, светит, не переставая, крошечным огоньком в окне, как будто подтверждая евангельское слово апостола Иоанна: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин, 1:5).

Этот маленький источник света преображал мрачный, трагический дух картины. Теперь душа человеческая, обретя божественный свет, могла преодолеть тёмный ужас смерти. Об этом огоньке надежды когда-то написал стихотворение прекрасный русский поэт Николай Рубцов, искренне любивший левитановские пейзажи:

*Спасибо, скромный русский огонёк,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далёк,*

*За то, что, с доброй верою друга,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя...*

Левитан не раз приезжал на берега Волги, где обрёл веру, надежду, любовь. Он продолжал работать с натурой, запечатлевая то золотой вечер над Плёсом, то тихую обитель за лесом. Однажды художник писал очередной этюд у самой дороги. Мимо шли крестьянки, возвращавшиеся в соседнюю деревню после богослужения. Среди них была седая старуха в разбитых лаптях и поношенном сарафане. Она остановилась, внимательно посмотрела на картину и на художника, а потом перекрестилась и бережно положила в ящик с красками блестящую копеечку. Левитан был тронут до слёз. Это была не просто лепта за совершенный труд. Это было народное признание его творчества.

Великий русский художник Исаак Ильич Левитан скончался 22 июля 1900 года, немного не дожив до своего сорокалетия. После кончины на его груди был найден православный крестик, который он давно носил и который никому не показывал.

Санкт-Петербург